

Писатель Виктор Ерофеев готовит к изданию собрание своих сочинений. В него войдет все, написанное за 30 лет творческой деятельности. Известный как один из самых скандальных авторов по романам «Русская красавица» и «Страшный суд», в последнее время Виктор Владимирович более предпочитает жанр художественной публицистики, о чем свидетельствуют его последние книги «Пять рек жизни» и «Мужчины». В таком же настроении выдержана и беседа о наступившем XXI веке и его проблемах.

В ИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ, давайте начнем наш разговор с века минувшего. Как вы его оцениваете?

— XX век, и в этом его сила, выработывал концепцию демократии, достаточно сильную и доведенную до ума, пожалуй, в Америке, где есть законопослушание, права и обязанности, где есть возможности (немалые и равные) у граждан и где действительно человек, не обладающий никакими особенными способностями, может, неожиданно разбогатев, встать вровень с элитными людьми.

— Потому что правильно исполняет обязанности?

— Просто может проявить какую-то локальную инициативу. Например, придумать новый фасон зубочистки, которую будут больше покупать. И если он станет вести себя грамотно, то останется успешным на всю жизнь. Там требуется ремесленный и незатейливый ум. С его помощью легко реально перешагнуть даже через голову тех людей, которые обладают действительными талантами.

С другой стороны, та же самая Америка при всем ее комфорте говорит нам о том, что демократия была понята нами слишком буквально. На это еще Черчилль указывал, замечая, что в демократию надо как бы играть и игра это большая, правильная.

— Чтобы участвовать в игре, нужно не только знание правил, но фантазия, воображение.

— И политические рычаги и политические лидеры, которые должны воспринять демократическое состояние именно как игру. Понятно, что если бы все законы принимались простым большинством, мы до сих пор считали бы, что земля держится на трех китах или на черепахе. Все действительные научные доказательства и открытия, вызывают панику, страх и отторжение.

— И они всегда персонифицированы.

— Всегда имеют автора, да. Грех XX века — все мы ко второй его половине соскочили с просвещенной демократии к буквалистской. У нас большинство также мало себе представляет, что такое демократия и что такое цивилизация. В России еще осталась нелюбовь к функциям, а Запад ведь очень функционален, он и человека превращает в функцию. Русский же человек по-прежнему хочет, чтобы его воспринимали как цельность, и именно в этой области у него происходят трепыхания души. И сложно спорить — все мы готовы признать равенство друг с другом, но равенство — это абсолютная игра демократии, а не реальность. Естественно и очевидно, что люди — существа очень разные и по разным параметрам: физическим и психологическим, умственным, душевным, духовным и прочим.

Кстати, буквалистская демократия очень опасна для литературы, потому что работает очень жесткая цензура рынка. Если раньше было: я зритель-автор и должен подняться до авторской идеи и понять что-то в картине, я слушатель-дуррак и должен вникнуть в произведение, то теперь и композитор, и

художник должны быть теми, кто меня развлекать обязан, — шутами. Если они меня не развлекают, они уже оскорбляют мое достоинство, потому что желают дать понять мне, что я их глупее.

Культура сдается и уходит в степи, которые раньше-то и культурой нельзя было назвать, — в моду, стиль. Те же американцы уже где-то с 60-х годов стали больше верить в стиль жизни, чем в культуру, и дошли до того, что их машины стали нестильными, потому что должна быть большая культура, которая дает возможность бытовой культуре стать стильной.

— Происходит потеря вкуса?

— Высокого вкуса, поэтому скоро итальянская обувь будет не лучше румынской.

— И во всем виновата демократия?

— Демократия, порождающая рынок и его цензуру. Не так давно мы общались с Соросом, и он признался мне, что стал реальным антикапиталистом. Потому что чувствует, что этот рынок может на всех наехать и раздавить хуже, чем коммунизм.

Еще важным знаком XX века стала победа протестантской этики — если ты хорошо и много работаешь, тогда и семья у тебя будет хорошая, и дети будут ходить в хорошую школу, и машина у тебя будет хорошая, и Бог тебя любит.

— У нас наоборот — Бог любит того, кто мучается.

— Да и тех, кто считает, что деньги — зло. Еще одна важная примета XX века — философия наслаждения, которая стала почти доминирующей. Она подробно описана в моем романе «Страшный суд». Без всяких экивоков век назван там неприличным словом. Во все времена была эстетика борделей, и ни для кого ничто секретом не было, но считалось, что реальная культура работает с метафорой.

Метафора наслаждения требовала особого эстетического подхода к предмету. Художник описывал плечи, и ясно было, что он описывает всю красоту и все места. С середины XIX века начинается сползание от лица к фигуре — культура и искусство, штурмуя человеческое тело, принялись все раздевать и всему задирали платье. И на уровне XX века срывается все, а самое заветное в теле — главным объектом. Поэтому прошлый век приобретает гиперсексуальное значение, и одно за другим продавливаются все табу — сексуальных меньшинств, всех видов секса и других представлений и извращений. Культура теряет зону запрета, приобретает все больше дозволенности за счет, как это ни странно, той самой энергии сублимации, когда все ударяется об одно и то же место, а дальше воображение останавливается.

— Эротика не в конкретике, а в интриге?

— Мы дошли до главного, то есть до ручки. И это главное приняло комические формы. Эротический инструмент в человеке выстраивает фантазм, то есть эротическую картинку, которая его возбуждает. Когда ты в первый раз в шелку, подсматривая, видишь любовь, ты невольно возбуждаешься. А когда в эту шелку загоняешься тысячу раз, начинаешь видеть все это как клоунаду, все это смешно! Весь путь пройден — от экзотики запретных плодов до картинок, вызывающих гомерический хохот.

ВРЕМЯ ПОВОРОТА

Виктор Ерофеев о вкусе и богооставленности

Независимая газ. — 2001. — 13 окт. — Виктор Ерофеев. Фото Артема Чернова (НГ-фото)

стический и фашистский.)

Теперь мы богооставленность переживаем, и начинается другая мутация. Очевидно, с помощью поездов и самолетов, интернета, электронных и других средств общения большой мир превращается в очень маленький, и мы все легко достигаемы. То есть раньше нас разделяло расстояние, на каждой отдельной улице был свой Бог — мусульманский, буддистский, христианский. И когда расстояние между домами было большое, казалось, что в одном доме нашли истину, а за тысячу верст она просто потерялась и надо прийти и объяснить. Но, когда очень быстро попадаешь от соседа к соседу и видишь все разное, что режет глаз, идея мессианства пропадает, а наступает ощущение абсурда. Полу-

чается, вся религиозная продуктивность человечества основана на его несовершенстве. Человек в зависимости от места рождения, воспитания, культуры, места пребывания под солнцем рисует образ Бога. С одной стороны, это здорово, потому что это вечная дверь, а с другой — сейчас проход становится немного узким.

То, что я сейчас говорю, никак не относится к такому модному понятию, как экуменизм, потому что он объявляет правоту каждого. Мне кажется, нужно сказать, что все не правы по большому счету. Тем более что две тысячи лет прошло с появления основного Бога у человечества, и наверное, сейчас случится большое изменение в его религиозных представлениях. В XXI веке может

произойти рождение нового образа Бога, который будет гораздо более единым, если просто не единым, что и станет основным событием.

— Он появится одновременно во всем мире или в какой-то конкретной точке?

— О месте его рождения я пытался размышлять, ни в коем случае не пророчествуя, в книге «Пять рек жизни». Я проехал по крупнейшим водным артериям мира — в Африке, Америке, Азии, Европе — и увидел разные религиозные культуры, культуры возможного общения с высшим и понял, что здесь смешно соревнование. Иначе мы теряем мораль, богооставленность оборачивается войнами.

Если говорить о главном событии XXI века, то именно оно, наверное, будет самым важным, а мы все почувствуем себя доисторическими существами.

— Все получают новую точку отсчета — видения, слышания?

— Во-первых, какая будет влита огромная духовная энергия! Как при рождении христианства, когда оно, босоное, победило Римскую империю со всей ее огромной мощью. Поэтому новое может победить самое продвинутое...

— Техно?

— Технику, технологию, компьютеры. Люди, которые принесут новую веру, окажутся очень нестандартными людьми, как и первые христиане — подвижники, мученики, святые. А мы станем маленькими детьми, которые будут восторгаться, восхищаться и обучаться.

Потом настанет покорение ими всего мира, а наши боги передвинутся в легенды, как греческие небожители. Ведь мы же не обижаем Зевса и Геру, мы их любим и говорим, что надо детям почитать об истории.

Я понимаю — то, что я сейчас произношу, с точки зрения обычного религиозного сознания, конечно, крамола дикая.

В переходный период зашатается все, а в развалах человечество может и погибнуть, потому что оно создало себе очень много игрушек разрушения.

— Что — и новая продвинутая вера придет через убийства и кровь?

— Ясно же совершенно, что Христос должен был быть распят. Но главное, подчеркну, некое новое явление будет главным событием XXI века, а вовсе не клонирование. Хотя новый век станет веком биологии, и здесь нас поджидают большие чудеса. Я вдруг подумал, что именно через биологию эта идея и возникнет, то есть родится биологическая теология. Через геном человека могут догадаться о какой-то правде. Случится то, что нас как человечество уничтожит, потому что вера соединится со знанием, чего никогда не было, и людей таких, обладающих этим знанием, мы не представляем. Как там дальше распорядится Всевышний — непонятно. Но все сильно меняется, если я твердо знаю, что меня ждет там: я иначе строю свою жизнь, иначе рискую и ставлю в жизни фишки и совсем не боюсь того, чего надо, как кажется сегодня, бояться, а начинаю опасаться того, чего сейчас, мне кажется, не надо. У меня происходит полная перекодировка, значит — я другой и человек ли?

Вероятно, мы последнее поколение людей — не в плане умирания человечества, а в плане прежних знаний и верований. Мы скоро найдем за тот самый поворот, что значительно серьезней, чем наши политические реформы, демократия и многое другое. И это не апокалипсис, а все как бы подошло к такому психологическому пику, у нас нет выбора, и мы должны с этим смириться: не надо вести себя, как во время пожара или кораблекрушения — паника ведет к неминуемой гибели. Пусть все остаются на своих местах и пристегнутся привязными ремнями — далее по анекдоту. ■